

А.В. Колосов
Могилев

ДРЕВНОСТИ КУДЛАЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Изучение кудлаевских древностей во многом связано с работами украинского археолога Л.Л. Зализняка, который дал полную и более развернутую характеристику данного культурного явления [2, с. 33–44, 90–97; 3, с. 10–28; 4, с. 69–74]. Стоянки кудлаевской культуры расположены на Средней Десне и Припяти и территориально приурочены к полесским ландшафтам. В последнее время кудлаевские материалы стали известны на территории Литвы [14, с. 137–162].

Присутствие памятников кудлаевской культуры на территории Верхнего Поднепровья стало очевидным в 1980-е года, когда де-факто была обоснована специфика этого культурного явления и появилась возможность сравнивать верхнеднепровские коллекции находок с кудлаевскими аналогами. В числе кудлаевских, по мнению Л.Л. Зализняка и В.П. Ксензова, оказались материалы двух стоянок Речица II на Днепре и Криничная на Соже [3, с. 12–13, карта 1; 8, с. 105–110; 10, с. 25–26]. Однако в процессе изучения коллекций посожских стоянок автором статьи были получены новые данные по кудлаевской культуре, что позволило, с одной стороны, уточнить культурно-хронологическую принадлежность отдельных мезолитических памятников Посожья, с другой – в определенной мере выразить свое отношение к имеющимся источникам.

Еще в начале 1990-х гг. В.Е. Кудряшовым и О.Л. Липницкой был поставлен вопрос о возможной культурной принадлежности стоянки Криничная к бутувской культуре [11, с. 27–29]. Теперь эта версия не вызывает сомнений, поскольку и техника расщепления кремня, и орудийный комплекс данного памятника свидетельствуют о проникновении в бассейн Сожа мезолитического населения из Волго-Окского междуречья [7, с. 154–156].

В свою очередь, коллекция стоянки Речица II является смешанной и для решения культурологических проблем мезолита Верхнего Поднепровья самостоятельного значения не имеет. В ней кроме кудлаевских (пластины с притупленным краем, острая типа Ставиного–Кудлаевка, средне-высокие и высокие трапеции) имеются находки гренской культуры, выражающиеся наличием ассиметричных наконечников стрел с боковой выемкой [8, с. 105–110]. Смешанность материалов признавал и сам автор открытия стоянки Речица II – В.П. Ксензов [10, с. 16, 25]. Однако, несмотря на это, находки памятника рассматривались в едином контексте для характеристики как кудлаевской, так и гренской культуры, что не стало, например, преградой для обоснования позднемезолитического этапа гренской культуры по наличию трапеций и пластин с затупленным краем, достаточно широко известных и в кудлаевских комплексах.

В последнее время нами установлено присутствие кудлаевских находок на стоянках Нижнего Посожья. В числе них – стоянка Аврамов Бугор (бассейн р. Беседь), материалы которой ранее интерпретировались сосской позднемезолитической культурой [4, с. 18–26]. Учитывая опубликованность материалов стоянки, ограничимся общими наблюдениями, которые позволят охарактеризовать данный памятник как кудлаевский и уточнить в определенной мере типологический состав коллекций.

Памятник открыт в 1977 г. и исследован в 1977–1981 гг. Е.Г. Калечиц на площади 775 кв. м [5, 20–26]. Культурный

слой имеет мощность до 0,4 м, залегает в светло-желтом песке и уничтожен в ходе многолетней вспашки поверхности террасы, на которой расположена стоянка [6, л. 11–12].

Нами проанализировано 25502 ед. находок, что составляет 78,2% из опубликованного [5, с. 20, 35]. Орудийный комплекс образует 911 ед. изделий, среди которых только 677 ед. (2,6%) являются морфологически выраженными формами, остальные представлены отщепами и пластинами с ретушью. В количественном отношении коллекция стоянки отвечает критерию «достаточности», однако она условно пригодна для характеристики кудлаевской культуры Нижнего Посожья. Эта условность выражается присутствием в материалах памятника находок эпохи неолита, установленных типологически. В числе них: треугольный наконечник стрелы с выемкой в основании; серповидный вкладыш с плоской состругивающей ретушью по краю; нож или скребловидное изделие на массивной пластине с противолежащей обработкой краев; серповидное изделие с оформленным лезвием крупнофасеточными приостряющими сколами; обломок ножа (?), обработанного с двух сторон; отщепы с плоской ретушью и со следами шлифовки поверхности. К неолитическому комплексу следует отнести и часть тесловидных орудий, обработанных с двух сторон, которые по справедливому замечанию В.П. Ксензова, присутствуют на стоянке Аврамов Бугор [9, с. 70]. Кроме этого, в коллекции находок памятника имеются также керамические материалы селищ эпохи железа и средневековья.

В результате исследования памятника было обнаружено также два жилища округлой формы и 24 очажных пятна, часть из которых, по мнению Е.Г. Калечиц, относится к хозяйственным ямам [5, с. 20]. Несомненно, что эти жилища могут являться мезолитическими и приобретают актуальное значение для реконструкции хозяйственной деятельности, например, населения кудлаевской культуры. Однако, жилища округлого типа известны и в неолите [5, с. 40–96]. Учитывая то, что в материалах памятника присутствуют материалы неолитического времени, все находки распределены равномерно в пределах исследованной площади, не образуя закрытых комплексов, связать хозяйственно-бытовой комплекс с конкретным культурным явлением не представляется возможным.

Кремневый инвентарь стоянки Аврамов Бугор дает яркий пример развития микролитной индустрии, основанной на утилизации монофронтальных одноплощадочных (34%, из просмотренных) и двухплощадочных (16%) нуклеусов. Достаточно много нуклеусов представлено в виде обломков (21,2%) и аморфными формами (23,6%), что затрудняет их морфологическую характеристику. Четырнадцать экземплярами представлены дисковидные нуклеусы.

В коллекции количественно преобладают отщепы (53,4%), среди которых первичные сколы составляют 2,5%. Пластин (16,7%) в 3 раза меньше, чем отщепов, основная их часть (53,3%) фрагментирована. Однако, техника расщепления кремня на стоянке была направлена на получение, прежде всего, пластинчатых сколов небольших размеров, отличающихся неправильной огранкой. Техника скола – удар с помощью твердого отбойника, в качестве которого использовались кремневые конкреции, имеющие соответствующие следы забитости (определено 10 ед.).

Среди орудий доминируют скребки (36,4% внутри категории орудий), в первую очередь концевых форм. Незначительную долю составляют двойные (10 ед.), округлые (8 ед.) и «шипом» скребки. Единичны концевой раklet, стрелчатый и треугольной формы скребки. Группа скребущих орудий дополняется находками скребловидных изделий (12 ед., или 1,2%) и скрочачей.

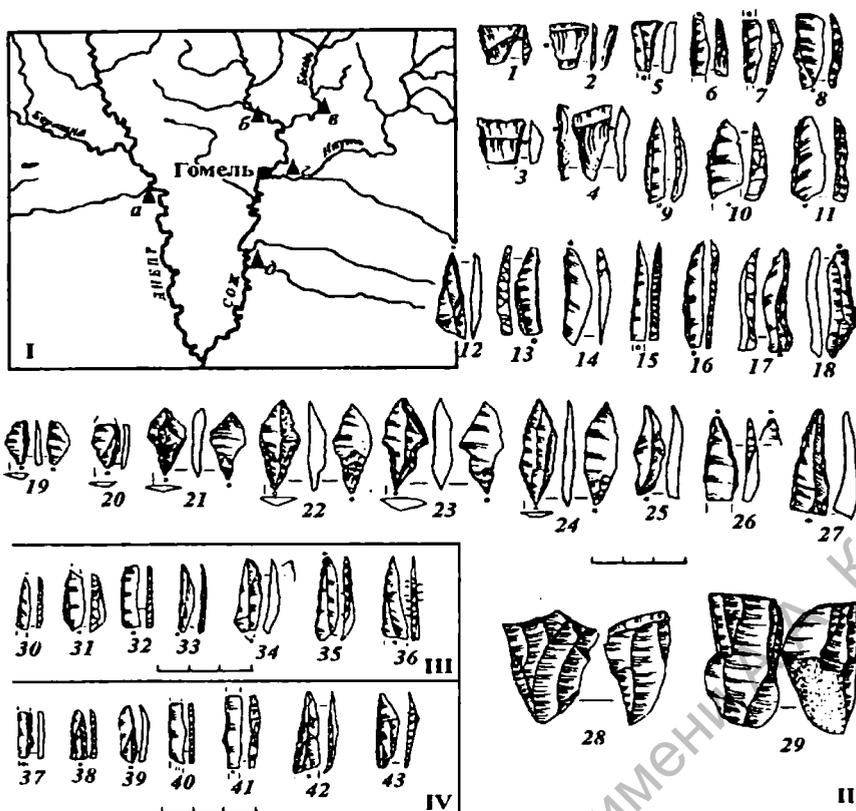

Рис. Кудлаевская культура на территории Верхнего Поднепровья
 I – памятники: а – Речица II; б – Присно (ур. Замостовье); в – Аврамов Бугор; г – Романовичи; д – Новые Терешковичи (ур. Крыга); II – кремневый инвентарь стоянки Аврамов Бугор; III – кремневый инвентарь стоянки Романовичи; IV – кремневый инвентарь стоянки Новые Терешковичи; 1-4 – трапеции; 5-8, 32, 37, 40-42 – пластины с притупленным краем; 9-17, 25, 30-31, 33-36, 38-39, 43 – острия; 18 – треугольник; 19-24 – наконечники стрел; 26-27 – проколки; 28-29 – нуклеусы.

Резцово-скребковый показатель для стоянки отрицательный и составляет 0,6. Резцов в 1,4 раза меньше, чем скребков. Среди них преобладают ретушные резцы (42,1%), на втором месте – резцы на сломе заготовки (33,1%). Двугранных всего 28 ед. (16,8%), немногочисленные комбинированные, единичны трансверсальные и многофасеточные экземпляры.

Комбинированные орудия (1,3%) представлены модификациями скребков и резцов, скребка и проколки, скребка и изделия с выемкой, острия и ретушного резца.

Небольшие (по 4–5% орудийного комплекса), но выразительные серии образуют проколки и изделия с выемкой. Рубящие орудия составляют 9,8%, некоторые из них могли использоваться в качестве мотыжек для копания, что требует дополнительных трасологических исследований.

Группа микролитов включает пластинки с притупленным краем и острия типа Ставиного–Кудлаевка (рис. 1: II). В коллекции их насчитывается 28 ед., что составляет 4,1% всего комплекса орудий. Но среди микролитов их количество достигает 42,4%, что, в принципе, не выходит за рамки процентного показателя для комплексов кудлаевской культуры. Одним экземпляром представлен коморницкий треугольник, имеются средневысокие (6 ед.) и высокие (3 ед.) трапеции.

Наконечников стрел – 27 ед. (3,9%). Часть из них имеет насад, выделенный только круглой или полукруглой ретушью со стороны спинки. Ряд наконечников характеризуется выделенным черешком, который дополнительно подправлен с вентрала фасетками плоской ретуши. В некоторых случаях, со стороны брюшка обрабатывалось острие наконечника.

Суммируя данные по орудийному комплексу стоянки Аврамов Бугор, отметим следующее. В технике вторичной обработки широко использовалось кругое и полукругое ретуширование заготовки. Крутая ретушь применялась особенно при изготовлении пластин с притупленным краем и кудлаевских острий. Плоская ретушь использовалась при

подправке черешков и пера наконечников стрел. Населению Аврамова Бугра известна также техника резцового скола и приемы обивки.

В качестве заготовок для 65,7% орудий использовались отщепы. Они шли на производство скребков и скребел, отдельных резцов, скобелей и рубящих орудий. Пластина была основной заготовкой для острий, в том числе и кудлаевских, пластинок с притупленным краем, наконечников стрел и проколов. Индекс пластинчатости орудий невысок и составляет 0,4, а всей коллекции – 0,3.

Кудлаевские материалы известны еще в трех пунктах Белорусского Посожья. Все они представлены поверхностными материалами, в которых, кроме кудлаевских, содержатся находки других культур эпохи мезолита, неолита и бронзового века. Единичные кудлаевские острия и пластины с притупленным краем имеются в поверхностных сборах К.М. Поликарповича с местонахождений у д. Присно (ур. Замостовье) Ветковского района и Новые Терешковичи (ур. Крыга) Гомельского района (рис. 1: IV) [12, с. 106, 179, таблица XIX: 15, таблица XLIV: 1–7; 13, с. 435, 461, таблица 24: 1, таблица 16: 23]. Кудлаевские острия, пластинки с притупленным краем, средневысокие и высокие трапеции присутствуют также в подъемном материале Е.Г. Калечиц со стоянки у д. Романовичи (рис. 1: III), открытой еще в 1889 г. Н.Ф. Беляшевским [1, с. 443]. Кроме кудлаевских в коллекции стоянки имеются материалы песочноровской и янславичской культур, эпохи неолита и бронзового века.

Выводы:

1) в эпоху мезолита Верхнее Поднепровье входило в зону обитания населения кудлаевской культуры, памятники которой расположены в пределах полесской зандровой низменности;

2) среди кудлаевских памятников рассматриваемой территории следует назвать: Речица II (бассейн Днестра), Новые Терешковичи, Присно, Романовичи (бассейн Сожа) и Аврамов Бугор (левобережье Беседи) (рис. 1: I);

3) состояние источников в настоящее время не позволяет с полной уверенностью говорить о хронологии кудлаевских стоянок на территории Верхнего Поднепровья, поскольку их коллекции представлены смешанными разнотипными материалами от эпохи мезолита до бронзового века включительно. Наличие на стоянке Аврамов Бугор острый типа Ставиного-Кудлаевка, пластинок с притупленным краем, средневысоких и высоких трапеций, коморницкого треугольника позволяет условно датировать ее концом бореального – началом атлантического времени. Определенные аналогии можно найти среди материалов поселений Люботынь III и Кудлаевки, время существования которых, по данным Л.Л. Зализняка, определяется поздним мезолитом [2, с. 90–79; 3, с. 15–21; 4, с. 74]. Правда, по сравнению с этими памятниками трапеции и коморницкий треугольник в Аврамовом Бугре представлены немногочисленными экземплярами. Очевидно, к позднему мезолиту следует отнести кудлаевский комплекс находок стоянки Речица II, судя по наличию трапеций средних и высоких форм. Естественно, это не исключает присутствие более ранних кудлаевских поселений на территории Верхнего Поднепровья и требует поиска соответствующих источников.

Литература

1. Беляшевский Н.Ф. Несколько новых стоянок каменного века по Днепру и его притокам // Киевская старина – Т. XXXII. – Киев, 1891. – С. 443–444.
2. Зализняк Л.Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья. – Киев: Наукова думка, 1984. – 120 с.
3. Зализняк Л.Л. Население Полесья в мезолите. – Киев: Наукова думка, 1991. – 160 с.
4. Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація // Кам'яна доба України. – Вип. 8. – Київ: Шлях, 2005. – 184 с.
5. Калечиц Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. – Мн.: Наука и техника, 1987. – 156 с.
6. Калечиц Е.Г. Отчет о полевых исследованиях 1977 г. отряда по изучению памятников каменного века на территории левобережья Днепра // Архив Института истории НАН Беларуси. – Д. 568. – Л. 10–15.
7. Колосов А.В. Памятники бутовской культуры на территории Белорусского Посожья // Романовские чтения-3: сборник трудов Международной научной конференции (Могилев, 23–24 ноября 2006 г.); под ред. И.А. Марзалюка. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2007. – С. 154–156.
8. Ксензов В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. – Мн.: Наука и техника, 1988. – 134 с.
9. Ксензов В.П. Мезолитическая днепро-деснинская культура // Гістарычна-археалагічны зборнік – № 5. – 1994. – С. 61–86.
10. Ксензов В.П. Мезолитические культуры Белорусского Подвinya и Поднепровья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. / АН Беларуси, Институт истории. – Мн., 1994. – 33 с.
11. Кудряшов В.Е. Липницкая О.Л. К вопросу о кудлаевской культуре эпохи мезолита на Могилёвщине // Дняпроўскі край: паведамленні абласной краязнаўчай канферэнцыі. – Могилёў, 1993. – С. 27–29.
12. Палікарповіч К.М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа (па досьледах 1926 г.) // Працы кафедры археалёгіі – Т. 1. – Мн., 1928 – С. 123–252.
13. Палікарповіч К.М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матар'ялы абсьледваньня 1927 г. // Працы кафедры археалёгіі – Т. 2. – Мн., 1930. – С. 383–478.
14. Ostrauskas T. Mezolitinė kudlajevkos kultūra Lietuvoje // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 2002. – Т.23. – Р. 137–162.